

Юбилейный... Последний...

Под семинар академика Гинзбурга «подкладывали» бомбу

Знаменитый семинар по теоретической физике в ФИАНе (Физический институт РАН имени Лебедева) закрылся. Последнее заседание состоялось 21 ноября, 2001 года. И независимо от того, начнет ли обновленный семинар свою работу, эта дата так или иначе войдет в историю физики.

-Он его породил, он его и убил, -секретарь семинара профессор Юлий Менделеевич Брук явно расстроен. - Закончилась эпоха - такого семинара уже не будет, многое определяет личность.

Расстраиваться секретарю семинара, разумеется, есть из-за чего: за два месяца, прошедших со дня последнего заседания, никто явного желания возглавить теоретический семинар академика В.Л. Гинзбурга не выразил. Что, впрочем, неудивительно - кто решится заменить ВЛ (так называют Виталия Лазаревича в ФИАНе)?

Теоретический семинар в ФИАНе, безусловно, явление уникальное: он собирал не десять - пятнадцать узких специалистов, сюда приходили сотни ученых узнать последние физические новости, которые всегда докладывал сам Гинзбург, приходили поучиться, пообщаться, да и себя показать.

Виталий Лазаревич коротко вспоминает историю «своего» семинара:

«Он возник примерно в 1955 году. Просто в теоретическом отделе ФИАН (теперь это отделение теоретической физики им. И.Е. Тамма ФИАН) в те годы основным был семинар «по вторникам», руководимый самим Таммом (он основал отдел в 1934 году с переездом АН СССР в Москву). Я примерно с 1937 г. регулярно ходил на этот семинар, ряд лет был его секретарем. По пятницам у нас был еще один семинар без твердой повестки, его называли «трёп». Отдел разросся и, главное, вторничный семинар в согласии с интересом И.Е. Тамма был в основном посвящен физике элементарных частиц. Я же к 1955 г. совсем перестал работать в этой области, хотя и следил за происходящим. Вообще, считаю, что для физика нормально интересоваться всей физикой, но более глубоко заниматься всем, конечно, невозможно. Поэтому стал проводить также небольшой семинарчик "по средам", он разрастался и постепенно превратился в довольно большой семинар, о котором вы знаете.

1700-е заседание предполагалось провести 31 октября 2001 года, но какой-то хулиган (или ?) позвонил в милицию и сообщил, что ФИАН минирован, и семинар сначала был сорван.

О своем давно назревшем решении закрыть семинар он рассказал только жене и дочери: «Хотелось сделать дело резко, неожиданно, а не заниматься тягомотиной, заранее обсуждая некоторые последствия и растворив действительно существующую проблему в болтовне».

1700-й семинар, как и некоторые другие юбилейные заседания, В.Л. Гинзбург решил провести в форме капустника. О том, что было на семинаре, ВЛ на следующий же день отчитался в небольшой брошюре, изданной как «Препринт № 48, ФИАН» тиражом всего 100 экземпляров и уже ставшей редким историческим документом.

Семинар начался с доклада ВЛ «Недодуманное, недоделанное...». Дело в том, что ВЛ, обладая фантастической работоспособностью и необычайной широтой научных интересов, по его собственному признанию, имеет одну особенность: стремление поскорее окончить рассмотрение задачи или вопроса и перейти к следующему. Некоторые из этих вопросов (в количестве 10 штук -от сверхпроводимости и сверхтекучести до эффекта Вавилова - Черенкова и некоторых задач теории элементарных частиц и общей теории относительности) В.Л. и представил «трудящимся».

Из «Препринта № 48»: «Кстати, мне понравилась шутка профессора Б.А. Волкова. Получив от меня препринт (с перечнем вопросов, требующих рассмотрения. - **Ред.**), он передал его своим сотрудникам с резолюцией: «Додумать, доделать». Должен заметить, что не надеюсь на то, что за редким исключением кто-нибудь действительно «додумает, доделает». Но вспоминаю А. Райкина: в одной из его новелл домработница все время повторяла: «Мое дело маленькое, я сказала, я предупредила». Вот и я сказал, а захотят ли «трудящиеся», не говоря уж о бездельниках, прислушаться - это их дело».

Мы сидим в небольшом кабинетике Виталия Лазаревича, доверху заваленного книгами, журналами, бумагами.

- Что же все-таки послужило причиной закрытия семинара?

- Причина закрытия семинара самая ясная и простая: ничто не вечно под луной. 4 октября 2001 г. мне исполнилось 85 лет. И как раз незадолго до этого мне стало нелегко ходить, появилась какая-то усталость. В отношении физики меньше чувствую возраст, но, быть может, это иллюзия. В общем, считаю, что человек должен вовремя оставлять деятельность, которая ему уже тяжела, не говоря о ситуации, когда он просто не способен выполнять свою работу. Несоблюдение этого требования дорого обошлось нашей стране, всем нам в советские времена и при первом президенте России.

В последней части семинара я воспользовался воспоминаниями драматурга С. Алешина об А. А. Яблочкиной (в книге «Встречи на грешной земле»). Рассказал вначале смешное, а кончил рассказом, как актрису (она дожила до 98 лет) вывозили на сцену в какой-то тачке, ибо она уже не могла ходить. В общем, обыграл это, хотелось

закончить как-то драматически, так интереснее...

Виталий Лазаревич зачитал слова драматурга о том, «как важно все-таки вовремя уходить отовсюду... Именно уходить. Не уезжать», и затем продолжил: «Так или иначе, я не хочу дожидаться того, когда не смогу приходить на семинар на своих ногах, и должен сообщить вам, что настоящий семинар - это не только 1700-й семинар, но и последний «семинар Гинзбурга». Благодарю всех участников семинара. Желаю вам всем всего самого хорошего».

Нетрудно представить себе огорошенную тишину, тяжело повисшую в конференц-зале ФИАН...

Но ВЛ говорил о закрытии «семинара Гинзбурга», а не о закрытии семинара по теоретической физике в ФИАНе вообще. Кто же может теперь его возглавить?

ВЛ: «Мне казалось, что продолжать семинар было не так трудно. Есть подходящее время и место, известна традиция. Сам собирался ходить на этот семинар и доклад сделать предложил. Но не нашлось, к сожалению, в отделе человека или группы людей, которые взяли бы за дело. Думаю, что это отражает существующий у нас сейчас в науке (во всяком случае, в физике) какой-то упадок энтузиазма, живости. И это на фоне блестящих успехов в науке во всем мире. Да и у нас, несмотря на все трудности, особенно финансовые, очень много все еще имеется высококвалифицированных физиков и астрономов, некоторые из них активно работают, находятся на должном уровне. Но что-то изменилось, нет того горения, которое было для нас характерно в гораздо более мрачные в социальном отношении советские времена. Четко объяснить, в чем здесь дело, не могу».

Может, пониженный тонус от невостребованности? Я знаю, что ВЛ сторонник творческой свободы: каждый вправе выбирать любую тему работы. Для меня это тоже большая ценность, но, может, то, что было преимуществом вчера, становится недостатком сегодня? Ведь ощущение ненужности, которое сегодня испытывают физики в нашей стране, рано или поздно подавляет творческие порывы. У человека появляется апатия. Может, сегодня, молодежи нужна работа «на шефа» - если она дает ощущение востребованности, если есть коллектив единомышленников, если есть хорошая экспериментальная база...

ВЛ: «Да, я сторонник полной творческой свободы и не считаю, что в этом отношении что-либо изменилось. Самое большое счастье для человека, любящего науку и способного работать, это, по моему убеждению, именно возможность свободного выбора, возможность делать то, что заинтересует. Конечно, очень важен обычно и коллектив, окружение. Но система, когда нужно работать на «босса», обычно просто отвратительна. А это, к сожалению, часто встречается и за границей, и у нас. Конечно, теоретикам в этом отношении гораздо легче, чем экспериментаторам. Мне в этом отношении очень повезло. За исключением нескольких лет (с 1948 г. по примерно 1953 г.), когда нужно было делать спецработу, всю жизнь занимался только тем, что меня интересовало. И, кстати, не мешал другим, никого из моих аспирантов и сотрудников никогда ни к чему не понуждал. Некоторые из них заслуженно стали известными физиками, но с большинством из них у меня нет даже общих публикаций».

Я пытаюсь «выудить» у Виталия Лазаревича имена. Имена тех, кто, по его мнению, мог бы продолжить его семинар, нашу теоретическую школу, кого он считает своими учениками. «Ох, если бы он сказал, кто должен возглавить семинар, нам было бы легче», - сокрушается Юлий Менделеевич Брук.

Но ВЛ остается верен себе:

«Я как-то не очень люблю слово «ученик», когда речь идет о науке. Во всяком случае, «учеником» могу назвать только того, кто меня назовет «учителем», т.е. человеком, оказавшим сильное влияние. Своими учителями я считаю И.Е. Тамма и Л.Д. Ландау. Дело здесь не в формальных связях, а именно во влиянии. Кстати, с Л. Ландау у меня даже не было никаких формальных связей, а И.Е. Тамм лишь числился куратором, когда я был докторантом в 1940 - 1942 годах. Сам И.Е. Тамм считал своим учителем Л.И. Мандельштама и, думаю, больше никого. Л.Д. Ландау считал своим учителем только Нильса Бора, Кто считает своим учителем меня, могу только догадываться, но твердо не знаю, И не обижусь, если кто-либо из моих бывших аспирантов или сотрудников не сочтет меня своим учителем, значит, я ему настоящей пользы не принес, нужен не был».

У нас в России все еще много квалифицированных физиков и астрофизиков (о других специальностях судить не берусь, но известно, что некоторые очень сильные математики часть времени проводят в России). У нас есть хорошие университеты (включая и МФТИ, да и он тоже теперь называется университетом). Поэтому будущее российской науки определяется будущим страны. Если Россия сможет достаточно быстро преодолеть экономический кризис и пойдет по демократическому пути развития, то базу для расцвета науки создавать заново (как это, в общем, имело место в Германии после войны) не придется - эта база налицо.

Обнадеживает, что сразу же после семинара к Ю.М. Бруку подошли несколько человек и начали обсуждать возможности сохранения семинара в какой-то новой форме. Конкретно предполагается организовать, а, по существу, в известной мере продолжить работу «Общественного семинара по теоретической физике» в ФИАНе. Разумеется, по средам, точно в 10 часов утра, в любую погоду. Продолжительность - 2 часа, сначала новости по литературе, затем один или два доклада...

Елена ОРЕХОВА